

История полюдь в средневековой Руси (X–XVI вв.)

Пётр Стефанович

The history of *poliud'e* in medieval Rus' from the 10th through the 16th centuries

Petr Stefanovich (National Research University Higher School of Economics, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Полюдь известно главным образом как архаический способ эксплуатации подчинённого населения в Киевской Руси IX–X вв. В таком смысле о нём много писали в исторической литературе¹. Между тем полюдь существовало на землях Древней Руси до середины XVI в., но данные о «позднем» полюдь малоизвестны и комплексно никогда не исследовались. Если на эти данные и обращали внимание, то только как на отражение неких «пережитков». Почему, как и где эта «архаика» дожила до Раннего Нового времени – эти вопросы не исследовались. Настоящая работа ставит целью обобщить данные о древнерусском полюдь и показать, что этот институт претерпевал со временем заметные изменения, а его существование и исчезновение связаны с важными социально-экономическими процессами в истории средневековой Руси.

Знаменитое описание древнего полюдь оставил Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» (около 950 г.). Византийский император явно излагал наблюдения своего современника, знакомого непосредственно с русью, которая обитала в Среднем Поднепровье, и даже с древнерусским языком. В девятой главе трактата он характеризовал «зимний и суровый образ жизни росов» следующим образом: «Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в *полюдия*, что именуется “кружением”, а именно – в славинии вервианов, другувитов, кривитов, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лёд на реке Днепр, возвращаются в Киав. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моносилы, они оснащают их и отправляются в Романию»². Венценосный писатель приводит славянское слово (в греческой транскрипции – τὰ πολύδια), которым русь обозначала это явление, выглядевшее для греков странным и чуждым. Но перевод слова («кружение») предлагается не прямой, по этимологии, а отсылающий к сути самого института как объезда территории.

Обычно с этим свидетельством (многократно комментированным) сопоставляется летописное описание похода киевского князя Игоря к древлянам в середине 940-х гг.³ Само слово «полюдь» здесь не употреблено, но некоторые

© 2017 г. П.С. Стефанович

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-01-00327.

¹ См. обзор литературы: *Темущев С.Н.* Налоги и дань в Древней Руси. Минск, 2015. С. 130–143.

² *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991. С. 50–51. Здесь же см. комментарии (С. 292, 329–331).

³ См. в двух несколько различающихся летописных версиях: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 109–112; ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Изд. 2 / Изд. Е.Ф. Карский. Л., 1926. Стб. 54–57.

детали говорят о том, что фактически имелся в виду такой же зимний объезд подчинённого населения с целью «прокормления», о котором рассказывал Константин. Отражение практики полюдья, распространённой среди восточных славян, видят также в сообщениях арабских писателей ибн Русте и Гардизи, восходящих, видимо, к географическому трактату IX в. ибн Хордадбега⁴.

Сущность явления, отразившегося в этих свидетельствах, вызывает разноречивые суждения – был ли это объезд только с целью прокормления (как представляет дело Константин) или ещё и с другими задачами, например, сбора дани, суда, управления и отправления культа. Предпринятый недавно подробный анализ летописных свидетельств в сравнении с данными Константина, арабских писателей, а также аналогиями в других регионах средневековой Европы заставляет согласиться с учёными, понимающими полюдье как «полифункциональный» институт. Вместе с тем выясняется, что полюдье ещё в Киевской Руси IX–X вв. претерпевало некоторую эволюцию⁵.

Древнейший (первоначальный) обычай «славиний» заключался в том, что правитель или глава «племени» (князь или кто бы то ни был) объезжал население и собирал подати в той или иной зависимости от размера или, точнее, увеличения семьи и рода (об этом говорит сообщение ибн Русте). Это и было полюдье. Такой порядок надо поставить в связь с архаическим представлением об ответственности главы (правителя) той или иной общности за плодородие и мир в ней. Правитель был обязан поддерживать благоденствие среди населения, признающего его власть, а оно «кормило» его⁶. К. Модзелевский находит корни этого представления в идеях родовой связи общности и личной ответственности главы этой общности как «великого родственника» за её процветание⁷. Собираемые подати были не слишком обременительными, но, главное, мыслились как добровольные дары. На этом этапе объезд имел, вероятно, культовый характер, что позволяет сопоставить его с норвежской вейцлой – пиршествами, совершавшимися в ходе аналогичного объезда территории вождём (правителем) и имевшими прежде всего религиозный смысл⁸.

В X в. цели и суть объезда переместились в прагматическую и экономическую сторону. Русь, подчинившая славянские и другие народности Восточной Европы, во время полюдий не только кормилась, но и собирала дань. О формах и размерах этой дани летопись даёт неоднократные и недвусмысленные указания⁹. Видимо, сбор дани приурочивался к уже существующему порядку объезда с угощением и сбором подарков, и, хотя сборы становились обязательными-принудительными, некоторый «антураж» добровольности оставался.

---

⁴ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1998. М., 2000. С. 295, 305, 404.

⁵ Стефанович П.С. Древлянская дань киевским князьям // По любви, въ правду, безо всякие хитрости. Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина: Сборник статей. М., 2014. С. 19–74.

⁶ Ср.: Třeštlík D. Počátky přemyslovské státnosti mezi křesťanstvím a pohanstvím // Stát, státnost a rituály přemyslovského věku. Problémy, názory, otázky. Sborník příspěvků z konference konané dne 18. října 2005 v Brně / Ed.M. Wihoda, D. Malat'ák. Brno, 2006. S. 25–46.

⁷ Modzelewski K. Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004. S. 401–425.

⁸ Hultgård A. Kultische Umfahrt // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 17. Berlin; N.Y., 2001. S. 437–442. Ср.: Гуревич А.Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С. 89–149.

⁹ Свердлов М.Б. Из истории системы налогообложения в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей М., 1978; Каушанов С.М. Возникновение дани в Древней Руси // От Древней Руси к России Нового времени. М., 2003. С. 57–71.

О первоначальной связи полюдья с отношениями взаимности между правителем и населением свидетельствуют упоминания полюдья в источниках XII–XIII в., прежде всего, свидетельство жалованной грамоты князей Мстислава и Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г. на волость Буйцы¹⁰. В грамоте сказано, что помимо «даней», вир и продаж с этой волости, а также других пожалований, монастырь получал «осеньнее полюдие даровное поль- третиядесяте гривнь» (т.е. 25 гривен). Полюдье здесь называется «даровным», т.е. мыслится как дар – добровольное приношение.

В то же время в грамоте полюдье имеет принципиально иной характер по сравнению с более древними известиями. Как доказывает А.А. Гиппиус, полюдье жалуются Всеволодом в дополнение к пожалованиям Мстислава как особая подать¹¹. Эта подать имеет определённый размер – 25 гривен. Полюдье здесь – не объезд как таковой, во время которого производятся разные действия, а налог, передаваемый князем другим лицам или институтам – в данном случае монастырю. Это, конечно, новое явление, но выросшее из древних корней. Это полюдье выступает в роли фиксированной платы в пользу князя (фактически откуп) вместо тех расходов, которые местное общество должно было бы нести во время княжеского объезда. Плату князь может перевести в пользу иных лиц.

В таком виде полюдье фигурирует и в уставной грамоте князя Ростислава Смоленской епископии 1136 г.¹² Смоленский князь передаёт епископу долю (десятую часть) от своих доходов в виде «истых кун», т.е. в денежных (или квази-денежных) средствах, главным образом, от дани в погостах и волостях. При этом специально оговаривалось, что доходы от полюдья (а также от судебных штрафов – продаж и вир) не учитываются. Но в двух пунктах – Копысе и Лучине, городках на Днепре, выполнявших торговые и военные функции, – дань не собиралась (видимо, в силу специфики этих поселений), и здесь князь в доходах, из которых выбиралась епископская десятина, учитывал и полюдье. Полюдье собиралось в виде подати точно определённой суммы – четыре гривны с Копыси и несколько гривен (точное число пропущено из-за дефекта в рукописи) с Лучина. Замечу, что размер полюдья как налога мог колебаться – 25 гривен с Буйцев и 4 гривны с Копыси. Столь сильные колебания можно объяснить только прямой зависимостью сбора от налогооблагаемой базы, т.е. как следствие того, что на разных территориях проживало разное количество людей, обязанных выплачивать подать (налогоплательщиков).

В домонгольское время полюдье сохранялось и в более древней форме – как объезд, совмещавший кормление с разными административно-фискальными делами. Так о нём говорится в нескольких летописных известиях, относящихся к середине XII – началу XIII в. и касающихся Ростово-Суздальской земли¹³. Эти известия кратки и однотипны: говорится, что князь в тот или иной момент находился не в столице, а «в полюдии» в тех или иных городах его княжества. По смыслу и контексту этих сообщений очевидно, что под полюдьем имелся в виду не налог, а поездка князя по подчинённой ему территории, имевшая

¹⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. В.Г. Гейман, Н.А. Казакова, А.И. Копанев, Г.Е. Кочин, Р.Б. Мюллер и Е.А. Рыдзевская. Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949. № 81. С. 140–141.

¹¹ Гиппиус А.А. Загадки Мстиславовой грамоты // *Miscellanea Slavica*: Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского. М., 2008. С. 114–115.

¹² Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Подгот. Я.Н. Шапов. М., 1976. С. 141–143.

¹³ См. анализ этих известий: Стефанович П.С. Полюдье по летописным данным 1154–1200 гг. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2015. № 4. С. 97–103.

самые разные цели. Так, Юрий Долгорукий, будучи в 1154 г. в полюдье, заложил город Дмитров, названный в честь святого покровителя родившегося тогда его сына Всеволода-Дмитрия¹⁴. Очевидно, это полюдье Юрия представляло собой не кратковременную «деловую поездку», а сравнительно масштабное и длительное предприятие, в которое князь посчитал возможным взять с собой жену, находившуюся на сносях. Вероятно, оно проходило по населённым пунктам, где могли жить сравнительно долго и удобно не только князь со своим окружением, но его беременная жена, — погостам и станам, специально предназначенным для таких путешествий-проживаний.

В таком же древнем широком значении полюдье упоминается в одной берестяной грамоте конца XII в. (сохранившейся в обрывках). Её автор, находясь где-то на реке Паше, сообщает в Новгород: «[три ра]зы ти есм[ь] ходил в полюдие семо» («я ведь три раза ходил здесь в полюдье»)¹⁵. Выражение «ходил в полюдье» подразумевает объезд территории. Основное течение Паши (притока Свири, впадающей в Ладожское озеро) проходило по области расселения вепсов (древнерусской веси), и эти земли в Обонежской пятине выделялись (наряду с некоторыми другими) в Новгородской республике в «дар» князьям для их содержания, пока они занимают новгородский престол. По-видимому, автор грамоты ходил в полюдье к вепсам-веси либо с самим князем, либо с лицами, им на то уполномоченными.

Это — уже второе упоминание полюдья в Новгородской земле (после указания на полюдья в грамоте Юрьеву монастырю). Два свидетельства говорят против тезиса, выдвинутого В.Л. Яниным о «существенной разнице между организацией фиска в Киеве и Новгороде»¹⁶. Согласно Янину, в Новгороде не было полюдья как объезда князем подчинённой территории; если киевское полюдье позволяло князю произвольно определять налоги и распределять собранные ценности, то в Новгороде сбор налогов контролировался боярством, и долю княжеских доходов установили в некоей пропорции по отношению к доле боярства (тем самым ограничив её). В рассуждениях историка эта мысль должна поддержать теорию о «ряде» (договоре), о котором рассказывает «Сказание о призвании варягов» и который якобы заключили в Новгороде знать северной «конфедерации племён» и «призванные» варяги¹⁷. На самом деле, как видим, полюдье известно и в Новгороде, причём в XII в. в разных формах, представляющих два этапа его эволюции. На северо-западных окраинах Новгородской земли (Обонежье), где не было частного землевладения, и властям приходилось иметь дело напрямую с общинами, полюдье сохранялось в более древней форме объезда (видимо, княжеского), а в Буйцах, волости, расположенной в более развитом регионе (на Ловати на пути «из варяг в греки»), полюдье уже превратилось в налог.

Таким образом, в домонгольское время полюдье сохранялось ещё в виде княжеского объезда подвластной территории, но в ряде случаев получило более узкое (специализированное) значение одного сбора (подати). Этот сбор в виде

¹⁴ ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002. С. 102.

¹⁵ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 409.

¹⁶ Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 62.

¹⁷ Критику теории договора см.: Стефанович П.С. «Призвание варягов» — был ли договор населения с князем? // Русь в IX–X вв. Общество. Государство. Культура. Тезисы докладов международной научной конференции. М., 2012. С. 80–81.

сумм, определённых с некоей территории (общины), князья либо получали сами, либо передавали другим лицам и институтам как особое пожалованье.

Значительный корпус данных о полюдье представляют документы (частные акты и земельные описания) XV – середины XVI в., происходящие из разных древнерусских областей, оказавшихся в составе Польского королевства и Великого княжества Литовского¹⁸. Во всех этих документах полюдье выступает уже только в виде налога, хотя в ряде случаев явно прослеживается его генетическая связь с древними княжескими объездами. Некоторые из этих данных, относящиеся к белорусским землям, собрал недавно А.И. Груша¹⁹. Более древние и интересные упоминания относятся к землям украинским, и на них обращали внимание М.В. Довнар-Запольский, М.С. Грушевский и П.Г. Клепатский, расценивая это «позднее» полюдье как «пережиток» эпохи Киевской Руси²⁰.

Древнейшее в этом корпусе упоминание полюдья содержится в грамоте Витовта 1411 г. Виленскому епископу на несколько сёл²¹. Грамота составлена на латыни по польским образцам. В числе доходов, которые должны поступать в пользу епископа с одного из сёл, расположенного в Свислочской волости (видимо, область на реке Свислочи, притоке Березины, к юго-востоку от Минска²²), упоминается «modo stacionis poludze appellato». Полюдье (переданное на латыни оригинальным славянским словом «poludze») здесь отождествляется со стацией (stan, stacio) – податью в средневековой Польше, известной с конца XIV в. и в Великом княжестве Литовском. Стация изначально подразумевала обязанность населения обеспечивать быт и пропитание правителя и/или его агентов во время их поездок по территории государства, но в позднее Средневековье она представляла собой уже налог – определённую сумму, выплачивавшуюся в пользу правителя или господина²³.

В инвентарях Киевского княжества 1470–1480-х гг. по Житомиру с округой, Ратенского староства (Холмская земля) 1500–1570 гг. и Пинского староства (округа Пинска) 1561–1566 гг. полюдье выступает одним из государственных налогов с сельского населения – в перечислениях, как правило, вторым после

---

¹⁸ За ценные указания по работе с этими документами приношу благодарность А.И. Груше и С.В. Полехову. Углублённый их анализ ещё предстоит.

¹⁹ *Груша А.И.* Полюдье на Беларуси // Минулая і сучасная гісторыя Магілёва: Зборнік навуковых прац удзельнікаў Другой Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць» / Укладальнік І.А. Пушкін. Магілёў, 2001. С. 26–30. В важной работе историка допущена, к сожалению, одна ошибка. Автор расценил как упоминание полюдья топографическое указание в одной грамоте 1388 г. с использованием латинского слова «paludes» (Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae, 1386–1430 / Zebrał i wydał J. Ochmański. Warszawa; Poznań, 1986. S. 15–16). На самом деле, это множественное число от латинского *palus* – «болото», и о полюдье здесь речи не идёт.

²⁰ *Довнар-Запольский М.В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. С. 89–102; *Грушевский М.С.* История Украины-Руси. Т. V. Львів, 1905. С. 120–132; *Клепатский П.Г.* Очерки по истории Киевской земли. Т. 1: Литовский период. Одесса, 1912. С. 481–482.

²¹ Vitoldiana... S. 31.

²² Так считает А.И. Груша: *Груша А.И.* Указ. соч. С. 28.

²³ *Modzelewski K.* Chłopi w społeczeństwie polskim. Wrocław, 1987. S. 86–92.

собственно дани²⁴. Налог взимался мёдом, куницами (куньим мехом) или деньгами. Его ставка (относительно небольшая) более или менее фиксирована и привязана к старинным хозяйственно-податным единицам — «земле» на Киевщине и «дворищу» в Холмской и Пинской землях. В отличие от обложения данью (основным налогом), при указании полюдья реальная состоятельность этих единиц во внимание не принималась. Например, в Пинском старостве везде сумма полюдья одна и та же: с одного дворища 7 грошей 4 пенязей, сколько бы земли и людей в нём ни было, причем дворища могли составлять от одного до шести и больше уволок. Размеры ставок налога и манера его раскладки заставляют думать, что налог восходит к глубокой древности (т.е. назначался тогда, когда «земли» и «дворища» составляли стандартные налоговые единицы, сопоставимые по экономическому потенциалу) и в денежном виде заменил некие натуралии (т.е. был коммутирован)²⁵.

Коронные писцы, описывавшие Ратенское староство в 1560-х гг., сравнивали полюдь, с одной стороны, с данью, шедшей в пользу казны, а с другой — со стацией, «почтом» (почестью) или «поклоном», положенными представителям местной администрации. Колебания объяснялись, видимо, отчасти тем, в каком виде поступало «полюдь», — с каких-то «дворищ» в виде мёда (тогда он походил больше на дань медовую), а в каких-то случаях деньгами (тогда на стацию или поклон). Ни сути, ни происхождения сбора писцы (а может быть, и сами «данники») уже не понимали. Один из них дал такие забавные «этимологические» пояснения о полюдь: «Медовую дань платят тремя способами: одну называют данью, или осенним; другую называют полюдьем, так как из-за размножения людей множится и дань; третью называют бобровничим»²⁶. Попытка установить связь налога под названием *по-людь* с ростом количества *людей*, обязанных его платить, является типичным примером «народной этимологии» (хотя, конечно, верно осознано само родство слов).

Несколько частных пожалований представляют собой аналогию жалованной грамоте Мстислава и Всеволода Юрьеву монастырю 1130 г. В 1427 г. некий князь Долгодат выделил киевскому Никольскому монастырю землю, с которой шли разные подати, в том числе полюдь²⁷. Правда, происхождение и датировка этого пожалования вызывают сомнения. Дело в том, что запись о пожаловании помещена в рукопись, описанную в XIX в., но затем пропавшую. В XX в. высказывалось мнение, что эта рукопись создана только в XVI в.²⁸, и запись, в таком случае, можно считать более поздней подделкой.

---

²⁴ Люстрация Киевской земли ок. 1471 г. // Архив Юго-Западной России (далее — АЮЗР). Ч. VII. Т. II. Киев, 1890. С. 1–9; Описи Ратенского староства з 1500–1512 р. / Подав М. Грушевський // Записки Наукового товариства імені Шевченка. 1898. Т. XXVI. С. 1–40; Жерела до історії України-Руси. Т. VII: Описи королівщин в руських землях XVI віку. Т. IV: Люстрація 1570 р. / Вид. під ред. М. Грушевського. Львів, 1903; Писцовая книга бывшего Пинского староства, составленная по повелению короля Сигизмунда Августа в 1561–1566 годах пинским и кобринским старостою Лаврином Воиною (с переводом на русский язык). Ч. I–II. Вильна, 1874.

²⁵ Грушевський М.С. Указ. соч. С. 127.

²⁶ «Myodowa dań troyakiem sposobem skladayą: jeden zową danni, albo yeszienni; drugi zową polyudziem, bo za przimnozeniem lyudzi mnozi się y dań; trzeci zową bobrowniczi» (АЮЗР. Ч. VII. Т. II. С. 282).

²⁷ Розов В. Українські грамоти. Т. I: XIV в. і перша половина XV в. Київ, 1928. № 58. С. 108.

²⁸ Визирь А.П. Собрание книг XV столетия в отделе рукописей ЦНБ АН УССР // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 69.

В 1447 г. литовский сановник Петр Гедигольдович основал церковь в Радошковичах (недалеко от Минска, позднее староство в Минском повете), предоставив ей земли с людьми, выплачивавшими полюдье в виде нескольких бочек мёда²⁹. В 1491 г. княгиня Кобринская подарила Спасскому монастырю в Кобрине (Волынь) село со всеми «дачками», включая полюдье³⁰. В 1499 г. некий дворянин Ивашко Пашкевич получил от великого князя семь дворищ в Луцком повете с людьми и всеми пошлинами, в том числе «и съ тою пошлиною, што на замокъ нашъ Лучоскъ старосте на полюдье на годъ дають по копе грошей»³¹. В том же году пожалование получил «пан» Кмита Александрович на село в Житомирском повете, сообщив, что «данники» того села дают «дани толко полтретя ведра меду а осмъ ведеръ полюдья»³². В 1507 г. Семён Романович из рода Волчковичей пожаловал игумену и братии киевского Пустынно-Николаевского монастыря половину села Шепеличи на Припяти с правом «полюдовати» к жителям села или, если «которое осени не пойдут», получать вместо того «короман меду» и «дару куницу» и «на слуги десять грошей»³³.

В ряде документов полюдье выступает среди наместничьих кормов с волощан³⁴. Это вполне понятно: полюдье изначально полагалось правителю (князю), объезжающему территорию, но князья, перестав совершать эти объезды, передали этот сбор тем, кто ездит вместо них — своим наместникам. В таком виде полюдье собиралось в великокняжеских волостях: упомянутой уже Свислочской волости, Могилёвской (обе — области бывшего Полоцкого княжества, современная Белоруссия), Чечерской (древнерусское Черниговское княжество, современная Белоруссия), Пропойской, Кричевской (обе — древнерусское Смоленское княжество, современная Белоруссия) и Бчицкой (Мозырский повет; древнерусская Киевская земля, современная Белоруссия).

Об этих сборах мы знаем, как правило, из документов, возникших вследствие тех или иных конфликтов между державцами (наместниками) и населением. Из этих споров выясняется, в частности, что в разных местах практика сбора полюдья «не была одинакова: в одних волостях удержался фактический въезд державцы или его наместников, в других волость сама собирала полюдье и представляла наместнику»³⁵. При первом варианте фактически практиковалась более древняя форма полюдья как объезда, когда населению следовало принимать приехавших «кормиться» и когда возможностей для злоупотреблений было больше. Второй вариант — сбор полюдья как налога в установленных формах и размерах без «приёма гостей» — был

---

²⁹ Kodeks dyplomatychny katedry i diecezji Wileńskiej. T.I. Zeszyt 1 (1387–1468) / Wydali J. Fijałek, W. Semkowicz. Kraków, 1932. № 187. S. 211–212. Благодарю А.И. Грушу за указание на это свидетельство.

³⁰ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 2. СПб., 1863. № 32. С. 23–24.

³¹ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. XVII. СПб., 1910. Стб. 781.

³² Акты Литовской метрики / Собр. Ф.И. Леонтович. Т. 1. Вып. II. Варшава, 1897. № 452. С. 12. Тот же документ в переиздании Литовской метрики: Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Užrašymų knyga 6 / Parengė A. Baliulis. Vilnius, 2007. № 294. P. 193.

³³ АЮЗР. Ч. 1. Т. 6. Киев, 1883. № 5. С. 10.

³⁴ См.: Грушевский А.С. Господарския уставы о доходах наместников-державцев. Пг., 1916. С. 18–21. Документы указаны в упомянутой выше работе А.И. Груши.

³⁵ Грушевский А.С. Указ. соч. С. 20.

предпочтителен для волощан, и они сознательно боролись за него. Например, в 1522 г. король Сигизмунд I, отвечая на жалобу жителей Кричевской волости, запретил наместнику Василию Семёновичу Жилинскому творить «кривды великие и новины». Среди претензий жителей, пересказываемых в листе, отмечена и такая: «И на полюде деи до нихъ у великомъ почте ездить, а передъ тымъ деи первые державцы наши до нихъ на полюде не ездживали»³⁶. Получается, наместник пытался сам «ездить» в полюдые в Кричевской волости (вероятно, так, как он сам или другие державцы делали это в других местах), но, как выяснилось, в этой области население такого обычая уже не знало и соглашалось лишь привозить продукты или деньги в волостной центр по установленным нормам. Различное понимание полюды и борьба волощан и державцев из-за него были возможны в условиях сохранения «старины» фискального порядка. С началом аграрной реформы в 1560-х гг. (волочной померы) термин «полюдые» исчезает из источников.

География упоминаний полюды в древнерусских областях, оказавшихся после монгольского нашествия вне системы Владимирского великого княжения, такова: они приходятся на южную часть Полоцкой земли, верхнее Поднепровье в полоцко-черниговско-смоленском пограничье, правобережное Полесье, Волынь и Киевщину. География получается довольно широкой, и, учитывая случайность в сохранности документации, мы имеем основания думать, что полюдые в Древней Руси было распространено тоже весьма широко и известно, скорее всего, во всех землях-княжествах, или, по крайней мере, в большинстве.

На этом фоне нельзя не обратить внимания на то, что из документов Новгорода и Северо-Восточной Руси того же времени о полюдые ничего не известно. Судя по домонгольским летописям, владими́ро-суздальские князья прекрасно знали, что такое полюдые. Между тем с начала XIII в. ни летописи, ни акты, ни земельные описания, никакие иные источники, происходящие из земель Руси, зависимых от монголов (затем Орды), о полюдые не упоминают. Есть, правда, упоминания неких пошлин под названиями «людское» и «полюдная пшеница» в жалованных грамотах ростовских и пермских архиереев конца XV — XVI в. На эти упоминания обратил внимание В.Д. Назаров и попытался поставить их в связь с древним княжеским полюдем³⁷. Подробный анализ соответствующих данных во всех жалованных грамотах показал, что такой связи на самом деле нет³⁸. Эти пошлины были частью системы обложения налогами приходского духовенства в пользу архиереев, развивавшуюся в епархиях, подчинённых митрополиту Московскому, по своим принципам, и не зависящую напрямую от государственной системы фиска. Название их объясняется как следование той же языковой

³⁶ Акты Литовско-Русского государства, изданные М. Довнар-Запольским. Вып. I (1390–1529 г.). М., 1899. № 162. С. 184–185.

³⁷ Назаров В.Д. Полюдые и система кормлений. Первый опыт классификации нетрадиционных актовых источников // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитый феодализм): Чтения, посвящённые памяти академика Л.В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. Ч. I. М., 1988. С. 169.

³⁸ Стефанович П.С. Полюдые и пошлины «людское» и «полюдная пшеница» в жалованных архиерейских грамотах XV–XVI вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвёртые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции, Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. М., 2015. С. 80–84.

модели, по которой возникло понятие полюдья — от того же корня *люди*, но с иным значением, соответствующим новым условиям. Имелось в виду, что приходским клирикам следовало собирать пошлыны в пользу архиереев и их чиновников с учётом количества прихожан — *людей* в их приходах.

По-видимому, ни объезд, ни налог под названием *полюдье* в «монгольской» и «пост-монгольской» Северо-Восточной и Северо-Западной Руси (Владимиرو-Суздальской, Рязанско-Муромской и Новгородской землях) уже не существовали. Логика подсказывает, что причины исчезновения полюдья из административно-финансовой практики князей Руси, попавшей под ордынское «иго», надо искать в неких изменениях, произошедших в этой практике. Изменения происходили из-за того, что эти земли Руси были включены в систему эксплуатации, установленную монгольскими ханами, а затем поддерживаемую из Орды. Как хорошо известно, ключевым элементом эксплуатации была обязанность платить налоги в Империю или Орду.

Благодаря специальным работам можно представить, как монголы взимали налоги с покорённой Руси. В Северо-Восточной Руси и Новгороде систематическое налогообложение установлено в 1250-х гг. после переписи населения, когда оно было положено в «число». Как правило, монголы возлагали на покорённое население один косвенный налог (*tamga*) и два прямых. Один прямой налог являлся денежной выплатой со взрослого мужчины или домохозяйства (*qubchir*), другой собирался с земли обычно в виде продуктов сельскохозяйственного производства (*qalan*)³⁹. По русским источникам хорошо известен косвенный налог, так и называвшийся «тамгой». О прямом налоге источники говорят только об одном, называя его всегда одним словом — «дань». Что именно представляла собой эта дань, остаётся не совсем ясным, но летописи, упоминая её, всегда имеют в виду денежные выплаты (серебром). Главное, она собиралась со всех слоёв населения за исключением духовенства. Это очень важная новация по сравнению с домонгольской эпохой, когда значительная часть населения (по крайней мере, элита, а вероятно, и некоторые другие категории) не платила прямых налогов.

На большей части территории Великого княжения Владимирского натуральный налог (*qalan*), по-видимому, не собирался. По крайней мере, никаких известий о нём нет. Зато есть данные, указывающие, что этот налог знали в южных областях Древней Руси. По документам конца XV–XVI вв., происходящим из Польши и Великого княжества Литовского, известно, что в Подолии, на Волыни и Киевщине существовала особая категория зависимых людей, звавшихся «каланные (коланные)», которые были обязаны определёнными службами в пользу короля (великого князя). Следует согласиться с И.А. Линниченко, что изначально это были люди, которых монголы, завоевав Русь, целенаправленно определили для сельскохозяйственных работ и несения натуральных повинностей⁴⁰. Понятно, что если одна категория людей получила имя по названию налога, который была обязана выплачивать, то остальное население тем и отличалось от неё, что этого налога не платило. На Северо-Востоке такого налога монголы, может быть, вовсе не собирали по причине скудости сельскохозяйственного производства в этом

---

³⁹ *Allsen T.T.* Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley, 1987. P. 144 et seq.

⁴⁰ *Линниченко И.А.* Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV–XV вв. М., 1894. С. 87, 92–97.

регионе. Возможно, обязанность платить этот налог возложили на какие-то отдельные, относительно незначительные, области и группы населения, но данных об этом не сохранилось.

Зато денежный налог собирался на Руси, подчинённой Орде, в немалом размере. В исторической литературе Средневековья и Нового времени он стал известен под именем «выхода», которое получил уже тогда, когда Владимирские великие князья стали сами собирать дань, причитающуюся татарам, и отправлять её в Орду (примерно с начала XIV в.)⁴¹. Для контроля над сбором налогов, а также над населением и местными властями монголы назначили специальных чиновников — баскаков⁴². Для их содержания и обеспечения их административной деятельности выделили особую группу населения — «численных людей» (очевидно, по тому же принципу, по которому для выплаты калана были определены другие группы). Как проходили перепись и установление налогов и какое недовольство населения это вызвало, хорошо видно из известного рассказа Новгородской летописи об обложении данью новгородцев в 1257–1259 гг.⁴³

Введение новых налогов, сопровождавшееся и созданием новой администрации, должно было кардинальным образом изменить налоговую систему Руси. В частности, в условиях разорения и хозяйственного упадка, последовавших за монгольским нашествием 1237–1240 гг., князья наверняка должны были отказаться от части доходов, традиционно шедших в их пользу. Мы знаем, что от косвенных налогов — по крайней мере, их большинства — князья не отказались: наряду с тамгой продолжали собираться домонгольские осьмничье, мыт и т.д. Сохранялись и традиционные трудовые повинности, несмотря на то что монголы ввели новую повинность — содержание почтовой службы (ям). Логично предположить, что в пользу монголов «перевели» домонгольские прямые налоги, которые как бы преобразовались в дань, требуемую новыми властителями. Полюдьё, которое, как говорилось выше, успело в домонгольское время эволюционировать в особый налог, как раз и было такой выплатой. Князья просто перестали собирать его, и все прямые налоги «сосредоточились» в одной выплате — дани, шедшей монгольским (ордынским) ханам.

Полюдьё сохранилось, таким образом, в областях, которые раньше попали под власть литовских князей и в меньшей степени испытывавших давление монголов. В других же землях князья, вынужденные согласиться на выплату монгольской дани и принять монгольских чиновников, отказались от полюдьё. Молчание о полюдьё источников, происходящих с территорий под контролем Орды, оказывается и неслучайным, и красноречивым — оно

---

⁴¹ О «выходе» и его размерах см. в недавних работах: *Langer L.* Muscovite Taxation and the Problem of Mongol Rule in Rus' // *Russian History/Histoire Russe*. 2007. Vol. 34. № 1–4 (*Festschrift* for Richard Hellie. Pt. 1). P. 101–129; *Горский А.А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // *Исторический вестник*. Т. 10(157). Монгольские завоевания и Русь. М., 2014. С. 58–79. О самом названии: *Golden P.* Vychod: Aspects of medieval eastern Slavic- Altaic culturo-linguistic relations // *Golden P.* Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes / Ed. by C. Hriban. Bucureşti; Brăila, 2011. P. 393–412.

⁴² *Маслова С.А.* Баскачская организация на Руси: время существования и функции // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2013. № 1(51). С. 27–40; *Маслова С.А.* Монгольская администрация на завоеванных землях: даруги и баскаки // *Исторический вестник*. Т. 10(157). С. 80–109.

⁴³ НПЛ. С. 82–83, 309–311.

свидетельствует о принципиальных изменениях, пережитых государственным управлением Московской Руси.

Полюдьё в древнерусских землях Великого княжества Литовского XV – первой половины XVI в. – это лишь одна из деталей налоговой системы этого государства, но деталь характерная. Она свидетельствует об архаичности и мозаичности налоговой системы, отразившей и сложную историю, и сложный состав государства. Способы обложения налогами и их сбора в Великом княжестве Литовском, в сущности, средневековые – приверженность «старине», сохранение локальных традиций, преобладание косвенных налогов в ущерб прямым, освобождение целых групп населения от обязательств перед казной, нарушение общих правил частными решениями и пожалованиями и т.д.⁴⁴

Совсем иначе дело обстояло в землях Северо-Восточной Руси, переживших перестройку налоговой системы в условиях монгольского владычества. Дань, тамга и ямская повинность, установленные монголами, в конце концов перешли в руки Рюриковичей. Сначала ордынские ханы только передали князьям сбор налогов, а затем, с постепенным ослаблением контроля и зависимости от Орды, князья стали описывать население и распоряжаться собранными налогами по своему усмотрению, выплачивая «выход» в фиксированных суммах. Тем самым русские князья получили развитую централизованную налоговую систему, охватывавшую практически всё население. Московские Калитовичи только несколько развили и усовершенствовали эту систему⁴⁵.

Эта система, общая для всего населения на всех территориях, попадавших под власть московских князей, позволяла выкачивать из подданных гораздо больше ресурсов, чем та, какая была в Великом княжестве Литовском в XV – первой половине XVI в. Она больше соответствовала общим тенденциям развития европейских государств Раннего Нового времени. В ней можно видеть одну из причин чудесного появления ex nihilo огромного государства на карте Европы в конце XV в. Не случайно в противостоянии с Великим княжеством Литовским Ивану III и Василию III долгое время сопутствовал успех. За этим успехом стояли ресурсы, а их давали налоги. В этом смысле распространённый взгляд на Московское государство как отсталое и архаическое, вынужденное «догонять» более развитых и прогрессивных западных соседей, едва ли оправдан. «Догонять» Москву пришлось Великому княжеству Литовскому, где в середине XVI в. началась широко-масштабная аграрно-фискальная реформа, приведшая к установлению нового строя налогообложения, в котором уже не было места полюдьё в любых его формах.

---

⁴⁴ Довнар-Запольский М.В. Указ. соч. С. 698–765.

⁴⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времён Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 16–17. Среди современных историков преемственность московского «сошного письма» к монгольской налоговой системе подчёркивает Л. Лангер: *Langer L. Op. cit. P. 129.*